

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК / UDC 93 / 94

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-773-783

**Описание донских калмыков первыми донскими
казачьими авторами: опыт критической характеристики***Артем Юрьевич Перетятко¹*

¹ Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006
Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, заведующий лабораторией
 0000-0003-2779-2223. E-mail: artperetatko[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Перетятко А. Ю., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена комплексной реконструкции синкретического образа донских калмыков, сформированного в синхронных нарративах казачьих историков и публицистов. Системный анализ предшествующей историографической традиции свидетельствует о том, что рассматриваемый круг региональных источников не был в достаточной мере использован в рамках научного анализа, что определяет благоприятные перспективы современной исследовательской практики, дополняющей ранее полученные эпистемологические результаты. *Материалы и методы.* Эмпирический материал, вводимый в научный оборот, реконструирован из опубликованных работ Е. Н. Кательникова и В. Д. Сухорукова, являющихся классическими региональными нарративами, характерными для донской историописательной традиции XIX в. Методологической основой авторского анализа стала рационалистическая критика, интегрирующая субъективные оценки предложенных этнографических концепций и текстологическую деконструкцию конкретной информации рассматриваемых источников. В отдельных случаях использовались элементы микроисторической компаративистики, опирающейся на внеисточниковое знание. *Результаты и выводы.* В рассмотренных казачьих нарративах отсутствует единое представление о региональном этнографическом пространстве, а терминологическая система конструируется в контексте индивидуальных исследовательских задач. Е. Н. Кательников и В. Д. Сухоруков формируют оригинальные образы донских калмыков, среди которых и «соседственные неприятели», и низшая социальная прослойка. Казачьи авторы однозначно видят в соседних калмыках чуждый народ, наделяемый негативными чертами. Подобный подход определяет как особое значение представленных нарративов как синхронных источников, характеризующих системное отношение донских казаков к ближайшим соседям, так и полную непригодность авторских повествований для этнографической характеристики рассматриваемого этноса. Ксенофобские тексты казачьих авторов существенно влияли на социокультурную презентацию донских калмыков в имперском мировоззрении, создавая искаженную картину регио-

нального взаимодействия. В контексте указанного обстоятельства современный исследователь избранной проблемы должен системно рассматривать синхронные нарративные традиции, формируя объективный образ этнического диалога.

Ключевые слова: нарратив, казаки, калмыки, текст, публицистика, образ, сосед, ксенофобия, империя, войско, враг, сосед, другой

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»)

Для цитирования: Перетятко А. Ю. Описание донских калмыков первыми донскими казачьими авторами: опыт критической характеристики // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 773–783. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-773-783

Description of the Don Kalmyks by the First Don Cossack Authors: an Experiment in Critical Characterization

Artem Yu. Peretyatko¹

¹ Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Head of the Laboratory

 0000-0003-2779-2223. E-mail: artperetatko[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Peretyatko A. Yu., 2024

Abstract. Introduction. The presented article is devoted to the complex reconstruction of the syncretic image of the Don Kalmyks formed in the synchronous narratives of Cossack historians and publicists. A systematic analysis of the previous historiographic tradition indicates that the considered range of regional sources has not been sufficiently used in the framework of scientific analysis, which determines favorable prospects for modern research practice that complements the previously obtained epistemological results. *Materials and methods.* The empirical material introduced into scientific circulation is reconstructed from the published works of E. N. Katelnikov and V. D. Sukhorukov, which are classical regional narratives, characterising the Don historical writing tradition of the 19th century. The methodological basis of the author's analysis was rationalistic criticism, integrating subjective assessments of the proposed ethnographic concepts and textual deconstruction of specific information from the sources under consideration. In some cases, elements of microhistorical comparative studies were used, based on extra-source knowledge. *Results and conclusions.* The considered Cossack narratives lack a unified idea of the regional ethnographic space, and the terminological system is constructed in the context of individual research tasks. E. N. Katelnikov and V. D. Sukhorukov form original images of the Don Kalmyks, among whom there are both «neighboring enemies» as well as the lowest social stratum representatives. The Cossack authors clearly see the neighboring Kalmyks as an alien people, endowed with negative traits. This approach determines both the special significance of the presented narratives as synchronous sources characterizing the systemic attitude of the Don Cossacks to their closest neighbors, and the complete unsuitability of the author's narratives for the ethnographic characterization of the ethnic group in question. The xenophobic texts by Cossack authors significantly influenced the socio-cultural presentation of the Don Kalmyks in the imperial worldview, creating a distorted picture of regional interaction. In the context of this circumstance, a modern researcher of the chosen problem should systematically consider synchronous narrative traditions, forming an objective image of the ethnic dialogue.

Keywords: narrative, Cossacks, Kalmyks, text, journalism, image, neighbor, xenophobia, empire, army, enemy, neighbor

Acknowledgements. The research was supported by the Strategic Academic Leadership Program of the Southern Federal University ("Priority 2030").

For citation: Peretyatko A. Yu. Description of the Don Kalmyks by the First Don Cossack Authors: an Experiment in Critical Characterization. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 773–783. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-773-783

1. Введение

История донских калмыков до настоящего времени остается изученной недостаточно. Важным шагом к ее действительно научному изучению стало издание монографии К. Н. Максимова «Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.)» [Максимов 2016]. В этой книге впервые была сделана попытка проследить историю донских калмыков или калмыков-казаков начиная от первых контактов ойратов с казаками Ермака до депортации калмыков с территории Ростовской области во время Великой Отечественной войны. К. Н. Максимов один из крупнейших специалистов в области истории Калмыкии, скрупулезно осветил многие страницы истории донских калмыков. Однако он специально не занимался историей донского казачества, и поэтому его интересовали в большей степени судьбы калмыков на донской земле, и он не ставил задачу исследовать то, каким был их образ у донских казаков. К. Н. Максимов опирается на официальные издания и правительственные документы, поэтому приходит к выводу о том, что уже в начале XIX в. донские калмыки «по праву считались коренными жителями области Войска Донского», а донские власти в их отношении проводили «гибкую этническую политику» [Максимов 2016: 560]. На наш взгляд, этот вывод о месте донских калмыков в структуре Войска Донского, в этом числе этнической, получился несколько идеализированным. Если принять во внимание описательные тексты современников (книги и статьи донских казаков XIX в), картина будет другой: калмыки в них часто критикуются, а в конструировании их образов можно найти черты ксенофобии.

«Говоря о другом, описывая другого, наблюдатель гораздо больше сообщает о себе, чем о нем. <...>. Независимо от того, осознанно или нет, эмоционально или рационально происходит создание образа другого народа и его отдельных представителей, оно всегда осуществляется в сравнении», — утверждает М. В. Лескинен, авторитетная исследовательница этнографического дискурса Российской империи XIX в. [Болтунова, Лескинен 2022: 199]. Более того, с точки зрения М. В. Лескинен, этнографическая наука Российской империи XIX в. в свою очередь сильно влияла на складывающийся национальный дискурс [Лескинен 2010: 322]. «Самоописание и представления о „других“ позволяют индивиду и группе утвердить способы самосохранения, защиты и воспроизводства традиции, типизировать явления и объекты окружающей среды, определить границы собственного пространства (в семиотическом смысле) и выработать стратегию поведения во взаимодействии с другими социальными группами», — пишет исследовательница [Лескинен 2010: 9]. Эти идеи очень важны для понимания большинства текстов донских казаков о донских калмыках XIX в. Калмыки стали первой значимой группой неславянского населения, бесспорными «другими», которые оказались не ассимилированы донским казачеством, но инкорпорированы в его состав указами сверху. И поэтому именно при их описании донские казаки впервые столкнулись с проблемой описания «другого» как части этнографического пространства Войска Донского. Вполне естественно, что созданные в итоге тексты описывают не только (а порой и не столько) донских калмыков, сколько отношение к ним донских казаков. При

этом подробный анализ специфического казачьего дискурса XIX в. о донских калмыках предполагает обязательное наличие знания местной общественной мысли, без которого подобные тексты очень трудно деконструировать, понять скрытые мотивы их авторов и причины явной негативизации образа донских калмыков.

Таким образом, тексты донских казаков о донских калмыках представляют собой объект для исследования, абсолютно необходимый для понимания того, какую функцию калмыки исполняли внутри Войска Донского и каким был их образ у донских казаков. Кроме того, эти тексты важны для понимания представлений донского казачества о себе и специфике этнографических описаний дискурса донского казачества. Поэтому в своей статье мы бы хотели впервые проанализировать их именно с подобных позиций, как явление определенного дискурса, а не совокупность описаний фактов.

Однако подобная постановка цели исследования накладывает на нас и определенные ограничения. Нам будет необходимо предельно подробно анализировать не только высказывания конкретного донского автора о калмыках, но и создаваемую этим автором общую картину этнографического пространства Войска Донского. Поэтому в рамках небольшой статьи мы решили обратиться только к текстам Е. Н. Кательников и В. Д. Сухорукова. Дело в том, что они, особенно последний — самые ранние значимые авторы донской казачьей традиции историо- и народоописания. По свидетельству Н. И. Краснова о В. Д. Сухорукове, «ни раньше, ни позднее его ни один из донских писателей, публицистов или общественных деятелей никогда не пользовался на своей родине популярностью Сухорукова» [Королев 1991: 241–242]. Соответственно, обращение к их трудам позволяет понять, с чего начиналось описание донскими казаками их соседей, донских калмыков.

2. Материалы и методы

Эмпирический материал, использованный в рамках представленной статьи, был реконструирован из дифференцированных нарративов донских авторов XIX в., прежде всего Е. Н. Кательникова [Кательников 1886] и В. Д. Сухорукова [Сухоруков 1891], посвященных частично или полностью этнографическому описанию калмыцкого народа. Выявленные публикации являлись самостоятельными объектами текстологического анализа, направленного на последовательное выявление значимых содержательных фрагментов, характеризующих избранную проблему. Авторская методология предполагает качественную интеграцию рационалистической критики, опирающейся на предшествующие результаты познавательной деятельности, и субъективной интерпретации, предполагающей системное включение исследовательского мышления в социокультурный контекст изучаемой эпохи. Значимым элементом используемой эпистемологической парадигмы следует признать микроисторическую компаративистику, ориентированную на качественный анализ содержательно близких фрагментов дифференцированных текстов. Кроме того, отдельное внимание было уделено методологическому тренду новой персональной истории, обращенному к комплексной оценке авторских образов в меняющемся социально-экономическом, политическом и культурном контексте.

3. Результаты

3.1. Е. Н. Кательников

В качестве одного из первых значимых текстов донских казаков следует рассматривать «Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожил и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня» Е. Н. Кательникова (встречается также написание его фамилии «Котельников») [Кательников 1886]. Уже сама фигура автора этого текста выглядит достаточно загадочно. Е. Н. Кательников родился примерно в 1775 г., был сыном станичного писаря, не получившим никакого официального образования, но каким-то образом выучившим французский и немецкий языки [Мининков 2011: 17–18]. Согласно послужному списку, он также имел знания в «богословии, географии, физике и поэзии» [Кательников 1886: 6]. Е. Н. Кательников участвовал в наполеоновских войнах, в 1814 г. ненадолго даже попал во французский плен и закончил свою военную карьеру есаулом и дежурным штаб-офицером при М. И. Платове [Мининков 2011: 23]. По возвращении на Дон он написал свой главный труд, вышеупомянутое «Историческое сведение», а затем создал собственную секту, якобы рассматривал Александра I как новое воплощение Христа и в итоге был сослан за ересь в Соловки [Мининков 2011: 107–110]. Сохранились также сведения о богатой, но совершенно бессистемной библиотеке есаула, включавшей книги на иностранных языках [Мининков 2012: 221–223].

Таким образом, в случае с Е. Н. Кательниковым мы сталкиваемся с казаком из низов, который сумел войти в войсковую элиту благодаря знаниям, сделав штабную карьеру, однако знания его были приобретенными самостоятельно. По каким-то причинам он решил написать историю своей родной станицы: к сожалению, мы почти ничего не знаем о истории его рукописи, сохранившейся только потому, что ее купил у автора В. Д. Сухоруков [Кательников 1886: 2]. Однако именно благодаря специфике личности Е. Н. Кательникова мы обладаем уникальным историографическим артефактом: на наш взгляд, его книга в большей степени порождена устной культурой донских казаков, чем влиянием письменной науки.

Вопрос о положении казаков в ряду других этнических групп фактически является одним из центральных для труда Е. Н. Кательникова, однако сам автор его нигде не формулирует. Более того, текст Е. Н. Кательникова предсказуемо лишен какого-либо вступления и заключения, он состоит исключительно из описательных глав, что затрудняет формализацию логики построения его книги и реконструкции терминологического аппарата. Но уже первая глава главного труда Е. Н. Кательникова посвящена происхождению донских казаков, и по ее итогам есаул приходит к такому выводу: «Весь вообще казачий род есть российский природный; даже вшедшие в него некоторые калмыцкие, татарские, греческие и турецкие племена чрез смешение изменились совсем в русский род» [Кательников 1886: 5]. Таким образом, для Е. Н. Кательникова донские казаки есть безусловно часть русских, однако совокупность русских презентуется через понятие род, а не народ, и определения «роду» не дается. Из контекста также следует, что к «русскому роду» относятся и выходцы из «России Малая», как предки части казаков [Кательников 1886: 4–5].

Все же остальные народы (впрочем, этого понятия Е. Н. Кательников и здесь не использует), с представителями которых регулярно сталкивались жители станицы Верхне-Курмоярской, были объединены в категорию «соседственные неприятели», которой посвящалась одноименная глава. Внутри этой категории классификация была чисто географической: неприятели с низовьев Дона (турки), с правого берега Дона (крымские татары) и с левого берега Дона (ногайские татары, черкесы, калмыки) [Кательников 1886: 26]. Сколько-либо индивидуализированной характеристики выделенных групп неприятелей Е. Н. Кательников не давал: в интересующей нас главе он строил здесь свой нарратив исключительно как сборник историй о сражающихся с врагом казаках, причем эти истории могли быть как регулярно повторяющимися (например, описывалось, как в прежние времена на полевые и сенокосные работы казаки выходили с оружием и под прикрытием конных разъездов), так и единичными (например, во время набега черкес в 1769 г. некая старуха заявила, что опасность прошла, ибо враг, «взявши Романовскую станицу, удалился», и в тот день, когда она это говорила, действительно была взята лежащая в 100 верстах Романовская станица) [Кательников 1886: 27]. Иными словами, соседи казаков, не принадлежащие к «русскому роду», интересовали Е. Н. Кательникова исключительно как второстепенные персонажи в историях про казаков, чья история, этнографические особенности и т. п. не заслуживают отдельного изучения.

Однако именно калмыки являются в нарративе есаула самым частым врагом. Если о других «соседственных неприятелях» обычно говорится более или менее обобщенно (например, «с задонской стороны черкесы и татары прихаживали несколько раз на Дон» [Кательников 1886: 26]), то с калмыками дело обстоит совсем иначе. Е. Н. Кательников приводил целых три подробные истории, демонстрирующие славные победы казаков над калмыками, причем калмыки изображались в них достаточно легким противником. Так, приводится история, согласно которой якобы в 1730 г. казаки после ловли рыбы в отдалении от станицы заночевали в камышах, рядом с ними проходил калмыцкий разведчик, который сел греться к не погашенному казачьему костру, где его и застрелил казачий часовой, после чего калмыки ушли прочь [Кательников 1886: 28]. Несколько позже некий старик Фолимон Киреевич с пятью товарищами пошел на охоту, на него напали больше ста калмыков, но Фолимон Киреевич приказал стрелять, и били казаки так метко, что «сказывают, ни одна пуля мимо не прошла», и калмыки отступили [Кательников 1886: 29]. В другой раз на Фолимона Киреевича, ехавшего с малолетним сыном и двумя падчерицами, напали шесть калмыков, но сколько они не стреляли, попасть из луков не могли, а Фолимон Киреевич каждой пулей убивал по калмыку, пока те не обратились в бегство, а казак погнался за ними и перебил всех, кроме одного, которого нарочно отпустил, крикнув ему вслед: «Поезжай, парень, скажи там, чтоб еще добываться приезжали» [Кательников 1886: 29–30]. Нужно отметить, что в тексте Е. Н. Кательникова Фолимон Киреевич упоминается неоднократно и предстает легендарно-мифическим персонажем: так, ему приписывается умение на расстоянии предсказывать, нападали ли «соседственные неприятели» на ушедших в степь казаков, и, если да, то кто победил, а потом его предсказания подтверждаются [Кательников 1886: 28].

Хронологической привязки историй про Фолимона Киреевича нет, но сообщается, что он умер до 1775 г. [Кательников 1886: 30]. Таким образом, все три подробно описанные славные истории о победах казаков над калмыками, которые приводит Е. Н. Кательников, были одержаны до его рождения, и, как нам представляется, если и считать их и основанными на неких реальных событиях, то, во всяком случае, за долгие годы бытования в устных рассказах они явно приобрели фольклорно-сказочный характер (об этом можно судить уже по одним магическим способностям Фолимона Киреевича). Почему же Е. Н. Кательников приводит подобные истории именно про калмыков, но не про других «соседственных неприятелей»?

Здесь нам представляется важным следующее. В тех случаях, где Е. Н. Кательников (куда менее подробно!) описывает поражения казаков, эти поражения почти всегда нанесены калмыками. Например, он описывает, как при атамане Даниле Ефремове калмыки ограбили казенные барки на Дону и ушли не наказанными, поскольку преследовавшие их казаки Верхне-Курмоярской станицы наткнулись на лагерь крымских татар, мирно путешествовавших в Астрахань, решили, что грабителями были те и перерезали «сих татар и с ними трех татарок» [Кательников 1886: 30]. Более того, Е. Н. Кательников только для калмыков приводит списки казаков старшего поколения, как взятых ими в плен, так и убитых, например: «Убили калмыки Осипа Григорьевича Беляевского в урочище Грачах, Пашку скололи в Малой Луке, в плен поймали Афанасия Ильича Землянухина, коего приваживали на яр против станицы и секали плетьюми, требуя чрез Дон из станицы хлеба, который им и вывозим был» [Кательников 1886: 31]. Последний такой случай был в 1772 г., когда в плен попал некий Лазарь Рамадин [Кательников 1886: 31]. Таким образом, в нарративе Е. Н. Кательникова именно постоянно жившие на Дону калмыки предстают как главный из «соседственных неприятелей» казаков, причем их образ конструируется по двум линиям: легендарные истории о неких древних победах, когда калмыки показали себя очень слабым врагом, и конкретные случаи убийств и разбоев калмыков, которым казаки противостоят не слишком успешно. Соответственно, легенды о славных победах над калмыками в далеком прошлом могли быть своеобразным способом компенсации исторической травмы, порожденной поражениями казаков Верхне-Курмоярской станицы от реальных калмыков (в этом отношении нам представляется наиболее травматичной описанная выше история Афанасия Землянухина).

Подведем итог отношению Е. Н. Кательникова к донским калмыкам. Его невозможно понять, не учитывая очень архаичной картины мира донского есаула, с четким делением на «своих» и «чужих». В центре его мира было донское казачество, трактуемое как часть «русского рода» на основе происхождения от русских. Все не относящиеся к русскому роду соседи донских казаков воспринимались как единая совокупность врагов, «соседственные неприятели», причем вопроса о причинах их враждебности не ставилось: вместо этого рассказывалось много частных историй об этой вражде, трактовавшейся как априорный факт. Калмыкам было посвящено больше историй, чем любой другой группе «соседственных неприятелей», причем они одновременно подавались как враг слабый (в фольклорных историях о давних победах) и сильный (упоминались

многочисленные убийства и захваты казаков калмыками). Хотя последние прямые столкновения с калмыками в тексте Е. Н. Кательникова датируются 1772 г., никакой инкорпорации донских калмыков в состав Войска Донского к началу XIX в. этот автор не заметил: для него внутри Войска Донского функция калмыков все еще сводилась к самым опасным врагам казаков.

3.2. В. Д. Сухоруков

Купивший у Е. Н. Кательникова его рукопись В. Д. Сухоруков был человеком совершенно иного круга. Он родился в конце XVIII в., в Отечественной войне 1812 г. лично поучаствовать не успел, зато получил хорошее образование, окончив недавно основанный Харьковский императорский университет [Коршиков, Королев 2001: 7]. В 1820 г. ему было поручено подготовить работу по истории Войска Донского, причем по ходу работ молодой офицер познакомился и сблизился и с Н. М. Карамзиным, и с декабристами [Коршиков, Королев 2001: 7–8]. В 1827 г. В. Д. Сухоруков попал в опалу, его рукописи были конфискованы, исправлялись властями и дошли до нас только в исправленном виде [Коршиков, Королев 2001: 12–14]. Получившееся в результате этих исправлений «Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах» является первым полноценным статистическим описанием Донского Войска, включающим и этнографическую часть.

В. Д. Сухоруков разделял население Войска Донского на три «племена»: казаков, калмыков и крестьян [Сухоруков 1891: 91]. Определения термину «племя» он не давал, однако следующей после главы «Населенность» своего труда он поставил главу «Жилые места», в которой сразу заявил, что «на всем пространстве войсковых земель различаются, и по образу жизни, и по названиям, три рода жилищ: 1) казачьи, 2) чиновникам принадлежащих крестьян и 3) калмыцкие» [Сухоруков 1891: 129]. При этом разницу между домами казаков, крестьян и калмыков донской автор видел не столько этнографическую, сколько социально-экономическую: «Не говоря уже о больших строениях зажиточных казаков, даже двор самого беднейшего из них устроен лучше, нежели у богатого мужика» (далее шло разъяснение, что богатые казаки обычно имеют каменные дома, а бедные — деревянные с полами, в то время как богатые крестьяне имеют деревянные дома, а бедные — глиняные, и обычно без полов) [Сухоруков 1891: 132]. Таким образом, классификация по «племенам» в целом плохо подходила для этнографического описания Донского Войска, в котором, например, малороссийский элемент был характерен как для крестьян, так и для как минимум части казаков [Сухоруков 1891: 90, 107–108]. Зато она хорошо отражала социально-экономическую ситуацию, выстраивая четкую иерархию населения по социально-экономическому признаку, где высший уровень занимали казаки, затем шли крестьяне, а внизу оказывались калмыки. Показательно, что полноценная этнографическая часть, описание нравов, наружности, образа жизни и одежды давалась В. Д. Сухоруковым только для казаков, причем изолированно, без сравнения как с другими местными «племенами», так и с этническими группами за пределами Войска Донского [Сухоруков 1891: 90, 107–123]. При этом донской историк, в отличие от Е. Н. Кательникова, в своем нарративе упомянул, что донские калмыки «входят в состав войска Донского» и даже в число людей, «образующих сословие казаков» [Сухоруков 1891: 97]. Таким образом,

выстраивалась довольно сложная схема: в ее рамках в казачье сословие калмыки были инкорпорированы, но в «племя» казаков не входили.

Поясним, почему в рамках нарратива В. Д. Сухорукова калмыки оказались низшим из донских «племен». Он уже не удостаивал их статуса полноценного врага, но начинал описание калмыцких жилищ со сведений, наглядно показывающих неспособность калмыков инкорпорироваться в «племя» казаков. Как писал донской офицер, ранее калмыки кочевали свободно, но «воровством своим подавали казакам повод почти к непрерывным жалобам», вследствие чего им выделили особые земли для кочевий за пределами донских станиц [Сухоруков 1891: 183–184]. Переходя к описанию калмыцких жилищ (кибиток), В. Д. Сухоруков сразу давал им общую оценку, заявляя, что кибитки калмыков «столь же простые, как и весь образ их жизни» [Сухоруков 1891: 185]. Зато исследователь не преминул указать тут, что калмыцкие «князьки» бежали с Дона в 1804 г. и 1808 г., и теперь общее управление калмыками осуществляет «чиновник, назначаемый донским атаманом, который называется приставом над калмыками» [Сухоруков 1891: 185].

Помимо предельно краткого обвинения донских калмыков в воровстве и описания их кибиток, В. Д. Сухоруков в своем тексте сообщал про их особую религию, которую называл «исповеданием далай-ламским» [Сухоруков 1891: 106]. Но сколько-либо внятной характеристики эта религия не удостаивалась: исследователь только сообщал наименования буддийских священников (лама, бакша-гелюн, гелюн и гицуль) и упоминал, что богослужение проводится в хурах (описание которых сводилось к тому, что это группа кибиток для богослужения) [Сухоруков 1891: 106]. Вообще, большая часть предлагаемой В. Д. Сухоруковым информации о религии на Дону опять относилась к казачеству и состояла в куда более внятной и содержательном описании раскольничьих сект (например, о «скитниках» не только указывалось, что они изолируют себя от общества, но и подчеркивалось, что в своем уединении они «предаются необузданному разврату») [Сухоруков 1891: 107].

Итак, с точки зрения В. Д. Сухорукова, на территории Земли Войска Донского жило всего три «племени»: казаки, крестьяне и калмыки. «Племена» эти были не столько этнографическим, сколько социально-экономическим явлением: казаки жили богаче крестьян, а беднее всего жили калмыки, чьи жилища и образ жизни В. Д. Сухоруков высокомерно характеризовал как «простые». Подобная иерархия отражала превосходство казаков, которые единственные в нарративе В. Д. Сухорукова были удостоены полноценной этнографической характеристики. Вопросы же калмыцкой этнографии, например, о том, какое место занимают донские калмыки в калмыцком народе в целом, донским автором не поднимались. И в итоге единственной внятно прописанной чертой донских калмыков, кроме их простоты, становилась вороватость. Остается констатировать, что образ донских калмыков-воинов у Е. Н. Кательникова и донских калмыков — примитивных и вороватых кочевников у В. Д. Сухорукова не имеют почти ничего общего. Единственное, что их роднит — это негативные образы, не имеющие в себе почти ничего привлекательного, и донские калмыки не включаются этими авторами в состав полноценных донских казаков, несмотря на формальное включение в казачье сословие.

3. Выводы

Мы рассмотрели важнейшие тексты двух самых ранних признанных классиков донской казачьей традиции историко- и народоописания, в которых рассматривается тема донских калмыков. На первый взгляд между ними мало общего, и все же мы можем сделать ряд достаточно любопытных и значимых, на наш взгляд, выводов.

1. Е. Н. Кательников и В. Д. Сухоруков создали совершенно разные образы донских калмыков, причем эти образы тесно связаны с их представлениями о этнографическом пространстве Земли Войска Донского. У Е. Н. Кательникова данное пространство четко разделено на «своих» и «чужих», казакам противостоят «соседственные неприятели», и калмыки оказываются отнесены именно в эту категорию, как самый частый враг, одновременно опасный и высмеиваемый в станичных легендах. У В. Д. Сухорукова пространство иерархично, и в иерархии «племен» Дона калмыкам отводится последнее место, поскольку их жилища в глазах исследователя наиболее примитивны.

2. Есть только один фактор, объединяющий описания донских калмыков у разобранных нами авторов. И этот фактор — чуждость калмыков донским казакам, их однозначная презентация как другого, причем другого негативизируемого. У Е. Н. Кательникова калмыки одновременно слабы и опасны, а у В. Д. Сухорукова они вороваты и примитивны («просты»). И это, на наш взгляд, лучше всего отражает реальное отношение даже образованных казаков к калмыкам. Калмыки в начале XIX в., как можно судить по проанализированным нарративам, в среде простых казаков воспринимались в образе другого, что противоречило официальной политике, направленной на инкорпорирование калмыков в донское казачество, которую рассматривает в своей монографии К. Н. Максимов [Максимов 2016]. Процесс их включения в донское общество отражен в рассмотренных текстах, где они сперва рассматривались как враги, а потом как особые жители, проживавшие в иных жилищах и наделенных негативными чертами.

3. Поэтому казачьи нарративы о донских калмыках до 1870-х гг. очень важны как источник об отношении казаков к калмыкам, но бесполезны при этнографическом описании собственно калмыков. У Е. Н. Кательникова полезных сведений на этот счет нет вообще; у В. Д. Сухорукова, кроме статистических данных, можно найти только описание калмыцких кибиток.

Ксенофобские тексты казачьих авторов существенно влияли на социокультурную презентацию донских калмыков в имперском мировоззрении, создавая искаженную картину регионального взаимодействия. В контексте указанного обстоятельства современный исследователь избранной проблемы должен системно рассматривать синхронные нарративные традиции, формируя объективный образ этнического диалога.

Источники

- Кательников 1886 — Кательников Е. Н. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожил и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1886. 63 с.
- Сухоруков 1891 — Сухоруков В. Д. Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1891. 302 с.

Sources

- Katelnikov E. N. Historical Information of the Don Army about the Verhne-Kurmoyarsk Village, Compiled from the Tales of old -timers and their own notes of December 31, 1818. Novocherkassk: Oblastnaya Voiska Donskogo Tipographiya, 1886. 63 p. (In Russ.)
 Sukhorukov V. D. Statistical Description of the Land of the Don Cossacks, Compiled in 1822–1832. Novocherkassk: Oblastnaya Voiska Donskogo Tipographiya, 1891. 302 p. (In Russ.)

Литература

- Болтунова, Лескинен 2022 — Болтунова Е. М., Лескинен М. В. «Говоря о другом, описывая другого, наблюдатель гораздо больше сообщает о себе, чем о нем». Интервью с Марией Войттовной Лескинен // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 197–212.
 Королев 1991 — Королев В. Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов н/Д: Ростовск. кн. изд-во, 1991. 461 с.
 Коршиков, Королев 2001 — Коршиков Н. С., Королев В. Н. Историк Дона В. Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» // Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов н/Д: ГинГо, 2001. С. 7–18.
 Лескинен 2010 — Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2010. 368 с.
 Максимов 2016 — Максимов К. Н. Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2016. 576 с.
 Мининков 2011 — Мининков Н. А. Донской историк есаул Евлампий Никифорович Кательников. Ростов н/Д: ЮФУ, 2011. 170 с.
 Мининков 2012 — Мининков Н. А. Библиотека Евлампия Кательникова // Донской временник. 2012. Вып. 21. С. 221–223.

References

- Boltunova E. M., Leskinen M. V. “Speaking about another, Describing another, the Observer Reports Much More about himself than about him.” Interview with Maria Voyttovna Leskinen. *Slavic World in the Third Millennium*. 2022. Vol. 17. No. 1–2. Pp. 197–212. (In Russ.)
 Korolev V. N. Stary'e Veshki. The Story of the Cossacks. Rostov-on-Don: Rostov Book Publ., 1991. 461 p. (In Russ.)
 Korshikov N. S., Korolev V. N. Historian of the Don V. D. Sukhorukov and his “Historical Description of the Land of the Don Army”. In: Sukhorukov V. D. Historical Description of the Land of the Don Army. Rostov-on-Don: GinGo, 2001. Pp. 7–18. (In Russ.)
 Leskinen M. V. Poles and Finns in Russian Science of the second Half of the 19th Century: “the other” through the Prism of Identity. M.: Indrik, 2010. 368 p. (In Russ.)
 Maksimov K. N. Kalmyks as Part of the Don Cossacks (17th – mid-20th Century). Rostov-on-Don: South Scientific Center (RAS), 2016. 576 p. (In Russ.)
 Mininkov N. A. Library of Evlampy Katelnikov. *Donskoy Vremennik*. 2012. Is. 21. Pp. 221–223. (In Russ.)
 Mininkov N. A. The Don Historian, Esaul Evlampy Nikiforovich Katelnikov. Rostov-on-Don: South Federal University, 2011. 170 p. (In Russ.)